

потестарный институт тайные общества возникли на основе мужских (иногда — параллельно — женских) союзов. Тайные общества выполняли функции социальной регуляции и управления, были одним из механизмов формирования политической власти, а также способствовали общественной и имущественной дифференциации.

В результате длительных и тесных контактов автохтонного населения с мусульманским миром в Западной Африке сложилась специфическая афро-мусульманская цивилизация, одной из особенностей которой был устойчивый синкретизм ислама с местными традиционными верованиями и социально-потестарными институтами. Одним из таких синкретических институтов стали тарикаты, сохранившие многие традиционные функции, а также структуру тайных обществ, и в то же время отвечавшие за распространение и соблюдение норм шариата.

Иерархия внутри тарикатов аналогична системе рангов тайных союзов. Обрядовая сторона жизни тарикатов почти полностью соответствует ритуалам, практикуемым в прошлом членами тайных обществ. Наиболее показательны в этом плане обряды инициации в тайный союз и вступления новых адептов в суфийское братство. Вместе с тем шейхи тарикатов и/или марабуты играют роль местных пастырей, которые официально отсутствуют в исламе.

О современных тарикатах Западной Африки нельзя говорить как об ортодоксальных суфийских орденах, каковыми они являются в странах Магриба. В то же время неверно было бы считать их и исламизированными тайными союзами. Западно-африканские тарикаты в полной мере отражают афро-мусульманский синтез, как в духовной, так и в социальной сфере.

С.А. Корсун

ТРАДИЦИОННЫЙ ПОХОРОННЫЙ ОБРЯД ИНДЕЙЦЕВ ТЛИНКИТОВ

Тлинкиты — один из коренных народов северо-западного побережья Северной Америки. В XIX в. тлинкиты находились на стадии перехода к классовому обществу и сохраняли многие черты традиционной культуры, в частности, ее наиболее консервативные элементы, такие, как погребальный обряд и мифология. Источники XIX в. [Шабельский 1826; Вениаминов 1840; Марков 1856; Бывшие... 1869; Holmberg 1985; Krause 1956; Emmons 1991; Архимандрит Анатолий 1906] позволяют восстановить основные этапы погребального обряда вождя тлинкитов в первой половине XIX в.

Приготовление к погребению начинались еще при жизни умирающего, которого омывали и одевали в чистую одежду. После

смерти его заворачивали в несколько одеял и покрывали накидкой-чилкат (нахэн). Тело умершего помещали в сидящем положении за очагом. На голову ему надевали шаманский головной убор (сакиат), а на лице красной краской рисовали символы его родовой и фратриальной принадлежности. В руки вставляли погремушку Ворона и ритуальный кинжал для закалывания рабов. Вместе с умершим, завернув в одеяло, клали вещи, которыми он пользовался в ежедневном быту: орудия охоты, курительную трубку и табак. Тлинкиты считали, что эти вещи пригодятся усопшему в мире мертвых. На помосте рядом с телом раскладывали символы власти вождя: родовой герб, церемониальный костюм и шляпу, жезл вождя, боевой шлем и оружие. В отличие от личных вещей родовые регалии впоследствии не сжигались вместе с умершим, а переходили к его наследнику.

После смерти вождя все жители его дома, в особенности жена и дочери, соблюдали строгий пост. Все четверо суток, пока умерший находился в доме, женщины неподвижно сидели вокруг его тела и периодически плакали. Здесь же ночью они спали, не вставая со своих мест. Что касается мужчин, то их скорбь по умершему проявлялась в том, что в эти дни они не занимались своими обычными делами: рыболовством, охотой, изготовлением домашней утвари. В эти дни шаман совершал ежедневные камлания — под звуки бубна он исполнял ритуальные танцы и пел погребальную песню, *«под которую все дикие, сколько их не находится в бараборе, должны подтягивать, ударяя в ладоши, или во что-нибудь под такт бубна»* [Марков 1856: 66]. Всеми работами по подготовке к погребению занимались родственники жены умершего как члены другой фратрии. Они же за домом или в лесу сооружали поленницу для костра. Ее складывали из сухих еловых бревен в виде четырехугольника, середину которого закладывали хворостом, щепками и заливали жиром.

По истечении четырех суток тело покойного выносили из дома через дымовое отверстие в крыше. Вслед за ним бросали пепел от очага и живую собаку. Все женщины селения, участвующие в похоронной процессии, шли с распущенными волосами и раскрашенными сажей лицами, а мужчины несли умершего. На месте кремации покойного помещали в сидячем положении на поленнице для костра в полном погребальном облачении — в шаманском головном уборе и в церемониальной накидке-чилкат, рядом раскладывали его личные вещи. Затем шаман обрезал умершему волосы, ударял в бубен и затягивал погребальную песню. Жена и дочери покойного начинали рыдать, а мужчины, постукивая палками в такт бубну, подхватывали песню. Женщины поворачивались спиной к телу умершего и также начинали петь. Затем несколько человек поджигали костер с разных сторон. В знак траура ближайшие родственники и

друзья умершего подставляли головы к огню, чтобы поджечь свои волосы. Некоторые индейцы занимались самоистязанием, нанося острыми камнями удары по своему лицу, рукам и груди. Труп постоянно переворачивали длинными шестами для того, чтобы он полностью сгорел вместе с дровами, подкладывая новые дрова в костер не разрешалось. В это же время совершалось человеческое жертвоприношение. Раба убивали тем же способом, каким умер его хозяин. Если хозяин утонул — раба топили, если был заколот копьем — раба закалывали, но если вождь умирал от старости и болезни, то раба душили палкой: *«Нельзя без глубокого сожаления смотреть на этих несчастных, когда их дают в честь умершего таёна: каюра повалят на землю, приложат к шее палку, нажмут на оба конца, страдалец раз или два вздрогнет ногами, как будто от действия гальванического потока, и через минуту испустит дух»* [Марков 1856: 68]. Тело раба оставляли в лесу или бросали в воду. В ряде источников говорится, что убитый раб сжигался наостре вместе со своим хозяином. Вероятно, это ошибка, так как в этом случае было бы нельзя отделить их кости друг от друга.

Еще одно интересное описание обряда жертвоприношения оставил Г.И. Давыдов, посетивший Русскую Америку в самом начале XIX в.: *«Если у них умирает начальник или богатый человек, то для услужения ему на том свете выбирают несколько невольников, призывают их в собрание народа и заставляют плясать, сказав наперед, что их убьют. В них пускают слегка стрелы или заставляют детей колоть их копьями, а как жертвы сии ослабеют и не могут более плясать, то их докалывают»* [Давыдов 1812: 86].

«Если кто-нибудь из тех каюр, на которых пал жребий смерти, убегает, то его всяческими средствами стараются отыскать до похорон; после же, хотя он и явится, то его уже не преследуют, и он делается свободным» [Марков 1856: 65].

Говоря о смысле погребального обряда тлинкитов, И.Е. Вениаминов отмечал: *«Душам тех, коих тела сожжены, там (в мире мертвых. — С.К.) тепло, легко и светло, потому что они всегда могут подходить к огню; а тем душам, коих тела не сожжены, темно, холодно и тяжело. Потому что они всегда стоят позади других, и к огню приближаться не могут.*

Души тех, для коих или на имя коих не убиты Калги, т.е. рабы, там живут без всякой прислуги. И потому сами для себя работают; а души тех, для коих убиты Калги, напротив того имеют прислугу» [Вениаминов 1840: 58].

В завершении обряда кремации шаман складывал обгоревшие кости в небольшой ящик и прикреплял к нему волосы умершего. Волосы являлись временным пристанищем души, когда она воз-

вращалась в селение для возрождения в виде новорожденного. Ящик с костями относили на кладбище и помещали в погребальный дом — кахет, обычно его устанавливали на высоких столбах-подставках. Во время всей церемонии родственники не должны были слишком много плакать, так как после кремации душа умершего отправлялась на север в Таканку — место, где собирались души всех умерших: *«Дорога в это место не для всех равна: для тех, по коим родственники плачут менее, она гладка и ровна; а для тех, у коих родственники плачут сильно, эта дорога болотиста, или буквально, водяниста»* [Вениаминов 1840: 56–57].

Эти сведения дополняет А. Каменский: *«Тогда душе приходится идти до таканку по воде, по тундрам. Но такую трудность дороги всегда можно облегчить, равно как и некоторые неудобства жизни в самом таканку. Для этого родственники умершего долгую почася устраивать по умершим тризны и приносить жертвы, бросая в огонь часть съестного. Чтобы душе не было в дороге и в самом таканку холодно, тело умершего следует всегда сжигать, особенно людей простых, души которых не имеют надежды попасть в киауаку. Если тело таких людей остается несожженным, душе на том свете приходится худо. Она не имеет право подходить к общему костру, где греются души умерших, коих тела были сожжены, и ей приходится дрогнуть всю жизнь на холоде и с завистью поглядывать на счастливых, греющихся у благодетельного огонька»* [Архимандрит Анатолий 1906: 98–99].

Кроме хорошо известных работ И.Е. Вениаминова и А. Каменского (архимандрита Анатолия) имеется целый ряд оригинальных русских источников, в которых приводятся сведения очевидцев, наблюдавших похороны тлинкитских вождей.

А. Шабельский, присутствовавший при обряде погребения в 1822 г., отмечал: *«По смерти начальника похороны его отправляются с большими церемониями, и пышность оных ценится по числу невольников, принесенных в жертву его имени. Как скоро умрет какой-нибудь значительный человек, тотчас с большим старанием и правильностью складывают костер и кладут на него мертвое тело; все друзья и родственники покойника собираются на похороны; главные начальники вооружаются при этом случае, некоторого рода копьями без железного наконечника, и почти все присутствующие раскрашиваются черной краскою; ближайший родственник зажигает костер и поливает его китовым жиром; после того оратор выходит на середину собрания и говорит похвальное слово усопшему; если он был человек богатый и имел несколько невольников, то несчастным связывают руки и ноги и бросают их на костер, для того чтобы они вместе*

с ним сгорели; к этой жестокости побуждает диких мнение, что невольники, умершие таким образом, будут на том свете служить своему господину; во все продолжение церемонии в воздухе раздаются ужаснейшие вопли, причем обыкновенно отличаются женщины» [Шабельский 1826: 144–145].

А.И. Марков, служивший на Аляске в 40-х годах XIX в., писал: «Однажды, возвращаясь с охоты, я встретил множество диких, которые разными тропинками пробирались с покойником от своего селения в лес. Они шли в глубоком молчании, как будто подавляемые чувством неопределенного страха. Любопытство подстрекнуло меня, и я издали последовал за ними, желая посмотреть, как будут жечь покойника. Наконец дикари остановились у приготовленного костра дров, посадили на него покойника, а сами окружили костер; более полчаса продолжалось молчание, изредка прерываемое вздохами сожаления об усопшем; потом зажгли дрова, облитые жиром, и громкое, дикое пение разбудило спящий лес, эхо далекими перекатами повторилось в высоких горах, и яркое пламя осветило шумную толпу дикарей, но вдруг все замолкло, один лишь шаман колотил в бубен и плясал с разными кривляньями; между тем дрова разваливались и выказывали обгоревшего мертвеца, от жару сводило у него жилы, и он делал страшные, судорожные конвульсии. В это время родственники покойного поправляли распадавшиеся дрова. Когда у сгоревшего совершенно скорчилось все тело, тогда снова началось пение и продолжалось до тех пор, пока он не превратился в черную, углистую массу, которую ничем нельзя было отличить от сгоревшего древесного пня» [Марков 1856: 66–67].

Также описание погребального обряда тлинкитов оставил моряк, посетивший Русскую Америку в начале 60-х гг. XIX в.: «На кладбище поднялся страшный шум и крик, лица всех выражали какое-то неистовство, и глаза дико сверкали. Более всех бесновался и шумел пожилой дикарь — то был жрец; голос его звучал громче всех, на губах была пена, движения его были важны, но угловаты. Покойника положили на зажженный костер, а жрец обрезал ему волосы. Поднялся ужасный смрад и вонь; затрещало на огне усопшее тело, и вскоре от него остались одни лишь кости. Кости положили в нарочно устроенный маленький домик, к наружной стене которого прибили волосы покойника. После того на диких нашло какое-то чертовесие; произошло что-то вроде схватки, при чем все как будто нападали на одного; наконец этого несчастного схватили и повалили наземь. Тут мне пришлось быть свидетелем отвратительной картины. Повалив человека на землю, лицом вверх, ему связали руки и ноги, положили на горло палку и двое, став на концы ее, стали попрыгивать, чем постепенно душили свою жертву» [Бывшие... 1869: 198].

В отличие от других индейцев умершего шамана никогда не сжигали, так как считалось, что в его теле остается жить один из духов. После смерти шамана одевали в шаманский костюм, который состоял из головного убора из рогов горных коз, ожерелья из костяных амулетов, нагрудника, передника, ноговиц и мокасин. Как уже отмечалось, костюм шамана исполнял функцию защитных доспехов для борьбы с враждебными духами. Неотъемлемой частью шаманского снаряжения была погремушка и деревянный кинжал для сражений с духами.

Как и при погребении других индейцев, тело шамана оставалось в доме в течение четырех суток. В это время все жители дома соблюдали строгий пост. В доме у шамана всегда было определенное место — правый дальний угол от дверей. Здесь шаман обычно и находился в момент смерти. Каждое утро его тело переносили в новый угол, итак в течение четырех суток. *«Потом на пятый день делаются самые похороны. Одев его в полный шаманский наряд, на руки надевают рукавицы или перчатки, на ноги торбасы, и потом кладут на доску, у которой с боков наверхено несколько дырок, и привязывают его к ней ремнями. В носовой хрящ шамана проделывают одну из костяных палочек, употребляемых при шаманстве; волосы на голове собираются в пучок, и в них ввязывается другая шаманская костяная палочка. Потом голову накрывают большою корзиною, сделанною из прутьев. Устроив все таким образом, относят или отвозят шамана в лес и кладут на возвышенном месте, нарочно для сего устроенном на стойках, и делают над ним памятник или шалаш»* [Вениаминов 1840: 69–70].

Тело шамана помещали в погребальный дом в сидячем положении. В гробнице вместе с телом оставляли ящик с шаманским снаряжением: амулетами, погремушками, масками, бубном, т.е. всем набором «инструментов», с помощью которых он мог противостоять враждебным духам. Обычно для места погребения шамана выбирали небольшой уединенный остров или расщелину в скале. Индейцы считали, что старые деревья никогда не упадут на могилу шамана, а только рядом с ней, а также что столбы погребального дома *«подгнивают все вдруг, и гроб ложится на землю ровно, но не ногами или головою прежде»* [Вениаминов 1840: 69].

Индейцы старались не подходить близко к месту погребения шамана, так как боялись встретиться с духом, живущем в его теле. Если же тлинкитам приходилось плыть в лодке мимо острова с гробницей шамана, то они приносили жертвы его духу — бросали в воду табак, выливали жир или подплывали к острову и оставляли на берегу пищу. В конце XIX в. тлинкиты стали зарывать тела шаманов в землю. А. Каменский писал: *«Не очень еще давно близ Сит-*

ки указывались в трех местах шаманские гробницы. Одна находилась, между прочим, в пещере или вернее в трещине скалы. Здесь труп огромного шамана в сидячем положении, прислоненный к стене, находился нетронутым в продолжение нескольких десятков лет. Но недавно скрылся. Многих шаманов, правда, сами Индиане зарыли в землю, потому что стали замечать следы нежелательных посетителей, которые, уходя, всегда что-нибудь утаскивали с собой на память; то клочок волос шамана, то какое-нибудь украшение его лица — носовую палочку, серьгу из уха и т.п.» [Архимандрит Анатолий 1906: 111–112].

Архимандрит Анатолий. В стране шаманов. Индиане Аляски. Быт и религия их. Одесса, 1906.

Бывшие русские владения в Америке. Колоши. Из записок моряка // Всемирная иллюстрация. 1869. Т. 1. № 12–13. С. 179–198.

Вениаминов И.Е. Записки об островах Уналашкинского отдела. СПб., 1840. Ч. 3.

[Давыдов Г.И.] Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним. СПб., 1812. Ч. II.

Марков А.И. Русские на Восточном океане. М., 1856.

[Шабельский А.] Пребывание в колониях Российско-Американской компании А. Шабельского // Северный архив. 1826. № 14–15.

Emmons G.T. The Tlingit Indians. Seattle; London; New York, 1991.

[Holmberg H.J.] Holmberg's ethnographic sketches / Ed. M.W. Falk. Fairbanks, 1985.

[Krause A.] The Tlingit Indians. Results of a Trip to the Northwest Coast of America and Bering straits by Aurel Krause. Seattle, 1956.

В.Ю. Крюкова

ДРЕВНЕЙШАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ МАРГИАНЫ И ТРАДИЦИОННЫЕ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ИРАНА И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Традиционная культура на протяжении тысячелетий служила неистощимой основой, питавшей духовную жизнь индоиранских народов. Черты, нашедшие отражение в таких памятниках, как Ригведа и Авеста, прослеживаются и сегодня в этнографически засвидетельствованных обрядах и верованиях. Древнейшие идеи индоиранского мира стали стержневыми для традиционных культур Центральной Азии, принимая и теряя те или иные элементы в ходе исторического развития, но сохраняя основные модели. Под влиянием крупнейших религий — буддизма, зороастризма, христианства, ислама — в недрах традиционной культуры рождались особые явления и появлялись новые формы выражения. С течени-